

Цзя Чжу изо дня в день навещался в усадьбу Линь, дабы внимать наставлениям господина Шао. Помимо явной пользы для учения, эти визиты невольно сблизили обе семьи. Старая госпожа Линь к тому времени уже покинула этот мир. Беспокоясь о продолжении рода, Линь Хай после рождения Сююя взял в дом ещё двух наложниц, однако ни одна из них так и не понесла. Огромное поместье Линь по-прежнему казалось безлюдным.

Шло время, дружба между Цзя Чжу и Сююем крепла. Чжу нередко оставался в гостях на ночь, а порой и Сююй отправлялся вместе с ним в поместье Жунго. Матушка Цзя, некогда души не чаявшая в своей дочери Цзя Минь, при виде внука не могла сдерживать нахлынувших чувств. Мальчик, хоть и уродился копией отца, всё же унаследовал материнские черты — те же глаза, тот же изгиб бровей. Старая госпожа прижала малыша к груди и, обливаясь слезами, принялась величать его своим бесценным сокровищем и ненаглядной кровинкой.

С тех пор дома зажили в тесном и согласном общении. Даже маленьких Юаньчунь и Цзя Ляня госпожа Цзя Минь частенько звала к себе; ребятня часами резвилась у её ног, а наевшись досыта лакомств, возвращалась домой под присмотром слуг. Цзя Чжу, если ему в руки попадалась какая-нибудь диковина или забавная безделушка, неизменно делил подношение: одну часть отправлял супругам Линь, другую — наставнику Шао.

Господин Шао в обучении придерживался правила: наставлять каждого сообразно его дарованиям. Поначалу он заставлял учеников лишь зазубривать каноны, не утруждая их тонкостями экзаменационных сочинений. Наставник говаривал, что в сердце мужа должны жить труды великих мыслителей, а казённый слог — дело наживное. Он выбирал для чтения лучшие поэтические свитки. Сююй с лёгкостью запоминал тысячи строк в день, тогда как Цзя Чжу откровенно ленился. Мальчишка твердил, что ему надобно лишь одолеть «Четверокнижие» да «Пятиканоние», дабы сдать экзамены, а до прочей мудрости ему дела нет. Вместо этого он тайком зачитывался простонародными повестями да выдумками. Наставник Шао ловил его за этим занятием, не раз журил и даже прикладывал к ладоням розги, но упрямец стоял на своём, и учитель в конце концов махнул рукой.

Не понимая истинных устремлений ученика, наставник вызвал его на уединённую беседу. Когда зашёл разговор о будущем, Цзя Чжу признался без утайки:

— Не обессудьте, учитель. Не дорос ваш Чжу-эр до великих помыслов. Мне ни к чему слава великого книжника или мудреца. Мечтаю лишь выдержать испытания, получить чин и забиться в тихий уголок Академии Ханьлинь, подальше от бурь поднебесной.

Шао Инлинь нахмурился:

— Да разве это не кощунство — зарывать такой талант в землю? Неужто я делюсь с вами мудростью предков лишь ради того, чтобы ты сделался заурядным чинушей? Истинный книжник должен стремиться оставить потомкам собственные труды, основать учение...

— Вы правы, учитель, — вздохнул Цзя Чжу. — Но великие труды — удел таких титанов мысли, как вы, или одарённых юношей вроде брата Юя. Мне же не под силу взлететь так высоко. Я

ведь не дракон, способный повелевать тучами, а обычный смертный, рождённый для земли.

Выслушав его, наставник покачал головой:

— Ошибаешься. Вижу я, Чжу-эр, что ты наделён иным, особым талантом. Пусть ты не похож на Сююя, но в тебе горит твой собственный огонь. Если тебе не суждено стяжать бессмертие словом или добродетелью, ты можешь прославиться деяниями на благо Поднебесной — спасти от бедствия, служить опорой государству в трудный час. Зачем же заранее ставить на себе крест?

Цзя Чжу весело сощурился и скорчил забавную гримасу:

— Благодарю за доброе слово, учитель. И не знал, что во мне дремлет столь великий муж! Что же до трёх путей к бессмертию, то лучше возложите эти надежды на плечи брата Юя — уж от него толку точно будет больше. — Он перевёл дух и с улыбкой добавил: — Да, я лентяй и не оправдываю ваших ожиданий. Но ведь я знаю: хоть вы и восхищаетесь Сююем, а любите-то больше меня! Позвольте же вашему непутёвому ученику малость воли. Насильно тянуть ростки вверх — только губить их. Сам Ли Тайбо говаривал: «Коль Небо одарило талантом — найди ему дело». Глядишь, и для меня в этом мире отыщется тёплое местечко.

Наставник вздохнул и мягко улыбнулся:

— Дай-то Бог.

Вскоре господин Шао приметил, что Цзя Чжу питает страсть к летописям, повествующим о великих битвах и военных походах. Сменив гнев на милость, он позволил ему изучать труды по военному искусству: трактаты Сунь-цзы, «Шесть секретных учений» и «Три стратегии». Кто бы мог подумать, что эта уступка окажет невероятное, судьбоносное влияние на весь жизненный путь Цзя Чжу. Впрочем, об этом речь впереди.

Что же касается Сююя, с ним наставник подобных бесед не вёл. Он до глубины души понимал благородный и пытливый нрав мальчика, а потому направлял его учение к сияющим вершинам книжной мудрости. Помимо обязательных канонов, Сююй прилежно читал труды ста философских школ, старинные оды, изящную словесность и сложнейшие филологические изыскания разных эпох.

Глядя на эти истязания ума, Цзя Чжу подшучивал:

— Учитель, вы никак вознамерились вырастить из Сююя первого триумфатора на следующем императорском отборе мастеров изящной словесности?

Шао Инлинь с гордостью отвечал:

— Сююю покровительствует сама Звезда Словесности. Если государь вновь созовёт знатоков изящного слога, я первый представлю его имя к испытаниям. Тот отбор куда суровее обычного, а уж простые экзамены для нашего Сююя — детская забава.

Два столь непохожих характера, сойдясь вместе, на удивление гармонично дополняли друг друга. На занятиях Сююй прилежно впитывал и запоминал каждое слово учителя, а Цзя Чжу допытывался до самой сути вещей, отыскивая логику там, где другие видели лишь сухие догмы. Разбирая мудрёные изречения, Сююй с лёгкостью приводил цитаты и докапывался до первоисточников, тогда как Чжу схватывал всё на лету и излагал просто и ясно. Порой Чжу пускал в ход суждения, навеянные его прежней земной жизнью из будущего, что приводило наставника в изумление, а скучные часы зубрёжки превращало в весёлую забаву.

Сперва Цзя Чжу не слишком верил слухам о небесном происхождении названного брата. Он полагал, будто на обряде первого года Сююй лишь случайно ухватил дощечку легендарного Цан Цзе, отчего праздные языки и раззвонили о его гениальности на весь город. Да и в повседневных занятиях мальчик не выказывал ничего сверхъестественного. Однако прослышав от наставника, что Сююй способен запомнить за день десять тысяч иероглифов, Чжу не на шутку увлёкся и решил испытать его способности.

Случай представился, когда господину Шао понадобилось отлучиться, и он оставил учеников повторять пройденное. К тому времени они едва завершили «Книгу песен» и ещё не приступали к «Мэн-цзы». Точно зная, что Сююй не заглядывал в этот трактат, Чжу задумал каверзу. Он предложил состязание на память: выучить первую главу — «Явление царю Хуэйвану из Лян» — и прочесть её наизусть без единой поправки.

Сююй выслушал вызов спокойно. Он едва заметно улыбнулся и мягко спросил:

— Что ж, давай попробуем. Но уверен ли ты, Чжу-эр, в своих силах?

От этой безмятежной улыбки у Цзя Чжу ёкнуло сердце — почувался подвох. Однако он мысленно пригрозил самому себе: «Да я эту главу ещё в средней школе наизусть заучил, кого мне бояться?» Он решительно кивнул:

— Уговор такой: за каждую ошибку проигравший получает мазок тушью на щеке. Нарисуем друг другу кошачьи усы!

Сююй кивнул в знак согласия.

Оба взялись за свитки. Не успел Цзя Чжу дойти до середины главы, как Сююй отложил книгу и объявил, что готов. Чжу занервничал и замахал руками:

— погоди, не торопись! Мне ещё самую малость осталось!

Сююй послушно умолк и принялся неторопливо перелистывать страницы, давая сопернику время закончить.

Настал черёд испытания. Сююй начал первым. Чжу, вооружившись текстом, следил за каждым слогом, но вскоре он изумлённо приоткрыл рот. Сююй лился песней — плавно, без единой заминки, в точности воспроизводя не только основной текст канона, но даже самые мелкие примечания толкователей.

«Неужто правда? — потрясённо думал Чжу, глядя на названного брата. — Ни единой ошибки, даже в комментариях! Неужели это и есть та самая легендарная память, когда достаточно одного взгляда?»

Когда подошла очередь Цзя Чжу, его былая уверенность мигом улетучилась. К пятому абзацу его щёки уже лоснились от чёрной туши — Сююй успел нарисовать ему больше трёх десятков жирных усов. Юноше даже не требовалось сверяться с книгой: он замечал малейшие оговорки соперника на слух. Не выдержав позора, Чжу в сердцах захлопнул фолиант:

— Всё, довольно! Сдаюсь, твоя взяла!

Он бросился вон из кабинета наставника, спасаясь бегством. Сююй с мокрой кисточкой в руке весело помчался следом, крича на бегу:

— Чжу-эр, стой! Вернись! Тебе причитается ещё пять полосок, позволь старшему брату завершить картину!

После этого случая Цзя Чжу окончательно признал, что его товарищ — истинный избранник Небес. Пытаться превзойти его в запоминании текстов было сущим безумием. Впрочем, из этого поражения Чжу извлёк немалую выгоду. Стоило наставнику Шао устроить им проверку письма по памяти, как Чжу, спотыкаясь на сложных иероглифах, принимался тайком бросать в соседа бумажные шарики с мольбой о подсказке. Сююй лишь качал головой, не зная, смеяться ему или сердиться, но всякий раз безропотно выручал товарища.

Сююй, однако, при всей своей гениальности отличался неизжитой детской наивностью. В его душе жила редкая, глубокая преданность старинным книжным идеалам — он чтит этикет столь строго и чинно, что это казалось нелепым для столь юного отрока. В часы досуга Цзя Чжу находил особое удовольствие в том, чтобы поддразнивать эту благонравную строгость названного брата.

Как-то раз в жаркий полдень мальчики отдыхали после уроков в прохладной тишине кабинета. Госпожа Цзя Минь прислала к ним служанку с хрустальным блюдом, полным отборных слив сорта «Нефритовый император» — крупных, наливных, подёрнутых лёгким сизым налётом. Юноши с аппетитом принялись за угощение, и вскоре на тарелке сиротливо осталась последняя ягода. Цзя Чжу, уже вполне наевшись, откинулся на спинку стула. Сююй же потянулся было пальцами к лакомству, но вдруг замер, спохватившись, и торопливо отдёргнул руку. Он упрямо отвернулся, силясь не глядеть на блюдо, но взгляд его то и дело предательски

косился на манящий плод.

Заметив эти душевные терзания, Цзя Чжу негромко рассмеялся. Он придвинул блюдо ближе к Сююю и весело произнёс:

— Хочешь съесть — так ешь, чего сомневаешься? Я на него не претендую.

Сююй с трудом оторвал взор от сладкой сливы и важно изрёк:

— В старинном трактате сказано: «Конг Жун в четыре года уступал персики да груши старшим братьям». Ныне мне пошёл девятый год, я старше тебя на целое лето. Раз уж я тебе за брата, то по долгу чести обязан уступить это лакомство младшему.

Цзя Чжу закатил глаза. «Подумаешь, несчастная ягода, а сколько рассуждений! Если бы ты знал, умник, каков мой настоящий возраст, постыдился бы поучать».

— Довольно умничать, почтенный муж, — отмахнулся Чжу. — Да и при чём тут груши, когда перед нами слива? Твой младший брат не столь придирчив к древним заветам. К тому же Конг Жун уступал плоды старшим, так что давай-ка сегодня младший одарит старшего.

С этими словами он бесцеремонно схватил сливу и поднёс её прямо к губам Сююя. Тот растерялся, помялся мгновение, но спорить не решился — лишь послушно приоткрыл рот и принял угощение из рук друга.

Позже наставник вновь отлучился по делам, предоставив ученикам заниматься самостоятельно. Пользуясь случаем, Цзя Чжу принялся шарить по многочисленным книжным полкам учителя, пока не наткнулся на иллюстрированное издание пьесы «Пионовая беседка, или Сон о возвращении души». В своей прошлой жизни он перечитывал эту драму не раз, но теперь решил полистать её просто ради развлечения. Сююй же, воспитанный на строгой классике, никогда не читал театральных пьес и романов, оставаясь в счастливом неведении относительно любовных томлений и поэтической грусти.

Они сидели бок о бок, погружившись каждый в свой свиток. Дойдя до середины пьесы, Цзя Чжу растрогался и невольно продекламировал вслух:

— «И в жизни, и в смерти любовь верховодит... О, что поделаться с любовью!» Надо же, и среди древних встречались безумцы, готовые сгореть от страсти...

Сююй оторвался от своего фолианта и с любопытством спросил:

— Что за строки ты читаешь?

В душе Цзя Чжу проснулся дух лукавства. Он хитро прищурился:

— Славную книгу читаю, очень славную. — И протянул томик другу.

Сююй взглянул на обложку и всплеснул руками:

— Помилуй, да ведь это же «Пионовая беседка»! Как тебе только в голову пришло читать столь вольные стихи? Это же недостойное занятие!

Цзя Чжу мысленно простонал, но тут же напустил на себя таинственный вид, приобнял Сююя за плечо и зашептал ему на ухо, точно змей-искуситель:

— Ну что ты занудствуешь, точно старый начётчик? Откуда в тебе эта сухость? Вспомни, когда у нас дома дают представления, ты ведь сам заслушиваешься ариями из «Прерванного сна» да «В поисках грёз»! Сидишь, затаив дыхание, и глаз неводишь с актрисы. С чего вдруг теперь разыгрывать святошу, будто перед тобой не книга, а ядовитая гадюка? Да и у нашего наставника, как видишь, этот томик преспокойно пылится на полке...

— Спектакль — дело иное, — замялся Сююй, пытаюсь защищаться. — Но читать подобное тайком... Наставник заповедал нам прикасаться лишь к трудам праведных мудрецов...

— Твоя правда, — сокрушённо вздохнул Цзя Чжу, отбирая книгу. — Брат Юй вскормлен лишь великой мудростью древних и знать не знает, что в изящных строках таится прелесть истинной любви. Что ж, эти нежные вздохи, томления сердца и тайные свидания прекрасных дев я буду вкушать в одиночестве... — Он картинно прижал руку к груди и испустил горестный вздох.

Такая удочка сработала безотказно. Сююй не сводил глаз с заветной книги. Наконец любопытство пересилило благонравие. Он тихонько подошёл к другу и шёпотом взмолился:

— Милый Чжу-эр... Ну дай мне хоть краешком глаза взглянуть, а?

Чжу для виду насупился и спрятал книгу за спину:

— Ну уж нет! Сам ведь говорил — вздор всё это. Нечего великому таланту мараить взор праздной чепухой. А ну как Зять Линь прознает? Он же мне за такое святотатство ноги переломает!

— Даю слово, ни отец, ни наставник ни о чём не узнают! — горячо заверил его Сююй, ухватив Чжу за рукав. — Только один разок взгляну, одним глазком!

Выдержав театральную паузу, Цзя Чжу соорудил страдальческую мину и нехотя протянул книгу. Сююй бережно принял её, тут же устроился в уголке и углубился в чтение. Пьеса

увлекла его без остатка. Куда там сухим поучениям предков — эти живые, трепетные строки дышали такой свежестью, что оторваться было решительно невозможно. Обладая своим бесценным даром, юноша запоминал прочитанное с первого взгляда, навечно запечатлевая в памяти каждую строфу.

Цзя Чжу, наблюдая за ним, беззвучно посмеивался. Он понимал: под маской благонаправного книжника в Сююе всегда дремала тонкая, поэтичная душа, созданная для изящных чувств. Разве мог такой человек устоять перед пленительной красотой любовной лирики? Запретные строки растревожили в его сердце скрытую доселе восторженность.

«Амитабха, Зять Линь! — весело молился про себя Чжу. — Если Сююй с этого дня уверует в великую силу любви и свернёт на дорожку безумных страстей, чур, меня не винить!»

В ту ночь Цзя Чжу остался ночевать у Линей. На дворе стояло шестнадцатое число лунного месяца. После ужина на усадьбу опустилась прохладная мгла. Небосвод вымело дочиста, и на нём во всём своём величии воцарилась круглая, точно серебряное блюдо, луна, заливая землю призрачным сиянием. В саду стлался невесомый туман, оседая каплями на листьях и тёмной глади пруда.

Заметив, что Сююй не торопится к себе в спальню, Чжу вспомнил его дневную задумчивость. Книга явно взбудоражила его воображение, пробудив спящие доселе грёзы о прекрасных девах и весенней тоске. «Уж не стихи ли он там сочиняет при такой луне?» — подумал Чжу и отправился на поиски. Миновав несколько крытых переходов со сквозными узорами, он подошёл к беседке над водой и сквозь кружевную тень ветвей разглядел одинокую фигуру друга, застывшего у самых перил с заложенными за спину руками.

Ещё не дойдя до беседки, Чжу услышал доносившийся до него тихий, певучий шёпот:

— «Опустела терраса, где луне поклонялись когда-то... Сонм облаков затянул одинокую тропку. Зябко плечам моим, страшно довериться осени снам...»

Чжу невольно улыбнулся. Товарищ и впрямь всю предавался изящной меланхолии. Решив подыграть, Чжу негромко подхватил следующую строфу:

— «Что в поднебесной сравнится с любовным томленьем? Лишь безутешная скорбь у разбитых надежд...»

Сююй вздрогнул и резко обернулся. Узнав друга, он облегчённо перевёл дух, и на его лице просияла радостная улыбка:

— Ах, это ты, Чжу-эр!

Чжу неторопливо вошёл под свод беседки, пряча руки в широких рукавах, и шутливо

поклонился:

— Ночь уже на исходе, а великий талант Линь всё слагает стихи при луне. Неужто рождается шедевр, способный прославить автора в веках?

— Вечно ты шутишь, Чжу-эр, — смутился Сююй. — Сон никак не шёл, вот я и решил пройтись перед покоем. Прорекламировал без всякой задней мысли пару строк из дневной книги... Какой уж тут шедевр.

Они замолчали, встав плечом к плечу у перил и созерцая далёкую звёздную реку, растёкшуюся по тёмному бархату неба. Ночную тишину нарушал лишь тихий шелест камыша. Внезапно откуда-то издалека, со стороны жилых покоев, донеслись тоскливые, щемящие звуки цитры. Но едва мальчики прислушались, как сквозь нежную мелодию прорвался иной, грозный гул — резкий свист рассекаемого воздухом оружия.

Цзя Чжу насторожился и тихо спросил:

— Сююй, ты слышишь? Что это за странный шум?

Сююй медленно кивнул, силясь разобрать звуки:

— Слышу. Струны под пальцами наставника поют неровно, точно в мелодию вплетается чуждый лад.

Они переглянулись. В глазах обоих вспыхнуло озорное, нетерпеливое любопытство. Кивнув друг другу, они в один голос заговорщически прошептали:

— Идём в дворик к учителю! Там наверняка творится что-то интересное. А если повезёт — ещё и чаю горячего выпросим.

<http://bllate.org/book/18221/1752154>